

18+

Владимир
Положенцев

Репорт

Белогвардейский роман

Владимир Положенцев

Рапорт. Белогвардейский роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70796647

ISBN 9785006410053

Аннотация

Декабрь 1919. После провала «Московской директивы» Главкома ВСЮР А.И.Деникина – наступления на Москву, Добровольческая армия стремительно откатывается назад. В это время обостряются разногласия между Деникиным и командующим Кавказской армией генерал-лейтенантом бароном П. Н Врангелем. Барон пишет Главкому рапорт, обвиняя его в стратегических и тактических ошибках, предъявляет свои требования. Рапорт попадает к большевикам, которые собираются использовать его в своих пропагандистских целях.

Содержание

Рапорт	6
Пролог	6
1	8
2	19
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рапорт

Белогвардейский роман

Владимир Положенцев

© Владимир Положенцев, 2024

ISBN 978-5-0064-1005-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Там, на клочке родной земли, прижатая к морю, умирала армия. То знамя, которое она так гордо несла, было повержено в прах. Вокруг этого знамени шла предсмертная борьба, борьба, роковой исход которой не оставлял сомнений... Неужели бесследно будет вычеркнута из истории России светлая страница борьбы ее лучших сынов, борьбы среди смрада российского пожарища, потоков крови, развала и бесчестия Родины...»

Барон Петр Врангель, март 1920, Севастополь.

В 2005 президент России Владимир Путин вернул прах белых генералов А. И. Деникина, В. О. Каппеля на родину. Установил, купленные на личные сбережения мемориалы над их могилами, назвал героями Гражданской войны. На могилах всегда свежие цветы.

Рапорт

Пролог

Из письма командующего Кавказской армией генерал-лейтенанта барона Врангеля, Главнокомандующему Вооруженных Сил Юга России А. И. Деникину, Камышин, 29 июля 1919.

«...Мысля Россию, так же как и Вы, Единой, Великой и Неделимой, как мог, боролся с «самостийными» течениями Кубани... пытавшихся сделать из нее орудие политической борьбы»... С нами тот, кто сердцем русский, и с нами будет победа».

Из политической программы Главнокомандующего ВСЮР генерала А. И. Деникина, озвученной Особому Совецанию, Таганрог, 15 декабря 1919.

«Единая, Великая и Неделимая Россия. Защита веры... Установление порядка. Восстановление производственных сил страны и народного хозяйства. Внешняя политика – только национальная, русская. Славянское единение....За помощь (союзников) – ни пяди русской земли...»

Оба генерала были за Единую, Великую Россию. Но между двумя этими глыбами Белого движения, для которых честь, совесть, порядочность, Родина, были не пустыми сло-

вами, пробежала черная кошка. Барон Врангель считал, что Главнокомандующий ВСЮР Деникин совершает стратегические и тактические ошибки. В частности, его «Московская директива», то есть наступление на Москву, без тылового обеспечения, узлов сопротивления, привела к разгрому Добровольческой армии Юга России. Главнокомандующий Деникин в свою очередь был уверен, что генерал Врангель, обладающий непомерными амбициями, хочет занять его место, а потому распускает самые невероятные слухи, порочащие его не только как Главнокомандующего, но и как человека.

Так или иначе, конфликт между белыми генералами, несомненно, стал существенной причиной разгрома Белого движения не только на Юге России, но и в Сибири.

Но только одной из причин...

Уже проснулись птицы в сиреновом раннем утре, над замерзшей рекой Бахмутка вставало затуманенное оттепелью декабрьское солнце, а он всё не отрывался от листа бумаги. Подобного, полного желчи, отчаяния и возмущения рапорта, командующий Добровольческой армией барон Врангель никогда не писал Главнокомандующему генералу Деникину. Но накипело, сил не было терпеть не только от переполнявшего возмущения, но и обиды.

Нет, «на личности» Петр Николаевич и Антон Иванович не переходили, хотя уже давно между ними не было «доброто взаимопонимания».

Эта чёртова «Московская директива». Барон сразу сказал, что она станет началом конца Белой армии Юга России. Не только не было крепкого тыла, защитных рубежей на случай отступления, так еще Деникин поручил командование Добровольческой армией «негодному», по мнению Врангеля, генералу Май Маевскому, известному своей «спиртуозностью». Крымскую мадеру, видите ли, любит. Теперь Крым, после бездарной, позорной эвакуации Одессы, и, несомненно, скорого падения Новороссийска, останется единственной крепостью добровольцев и тысяч несчастных людей, бегущих от красных варваров.

А тут еще некий капитан Николай Орлов подлил масла

в огонь. Устроил мятеж против верховного командования, ворвался в Симферополь, Ялту, арестовал командующего Кубанской армией генерала Покровского и объявил, что власть Главнокомандующего Деникина закончилась, а вся армия должна подчиниться генералу Врангелю. Сам барон не имел никакого отношения ни к Орлову, ни к его аванюре. Генерал Яков Слащев разбил мятежников, Орлов спрятался где-то в горах, но это поставило жирную точку в отношениях между Врангелем и Деникиным. Хотя, таких «точек» уже было немало.

Когда Добровольческая армия, наступающая на Москву, откатилась с занятого Орла к Харькову, Деникин опомнился. Заявил, что генерал Май-Маевский с делом справиться не может, и предложил командующему Кавказским фронтом Врангелю возглавить Добровольческую армию.

Чехарда с названиями бесила барона – он уже был командующим Добровольческой армией, потом Кавказской Добровольческой армией, потом просто Кавказской и теперь Деникин вновь просит возглавить его Добровольческую армию, которую фактически уничтожил во время московского похода Владимир Зенонович Май Маевский.

Петр Николаевич поначалу категорически отказывался, так как считал сложившееся положение безнадежным. В Ростове, на совещании Южно-Русской конференции, помощник Деникина генерал Романовский говорил ему: «Ваш отказ ставит нас в почти безвыходное положение». Врангель

вскипел: «Весной я указывал на необходимость бить красных на Царицынском направлении, идти на соединение с сибирской армией Колчака, предупреждал, что если мы этого не сделаем, противник не только оттеснит адмирала на восток, но и со всей силы обрушится на нас. Тогда меня даже слушать не хотели, а когда мои предсказания сбылись, меня же призвали спасти положение». «Эту жертву вы приносите не Главнокомандующему, а России», – ответил помощник Деникина.

И Врангель согласился. Не мог не согласиться, так как понимал, что кроме него никто не возьмется за эту почти безнадежную миссию. Вникнув в суть дела, барон провел тщательный анализ причин «нынешнего развала» и решил написать откровенный, «не щадя красок», рапорт.

«Глубокоуважаемый Антон Иванович...», обращался обычно Врангель к Деникину в письмах, но теперь, это был официальный документ, а потому всё по-канцелярски сухо. От командующего Добровольческой армией – Главнокомандующему ВСЮР, номер рапорта такой-то, Юзовка, 9 декабря 1919.

Напомнив, что его предложение «удерживать Царицынский фронт», идти на соединение с Колчаком, а не наступать на Москву, было отвергнуто, потому и сложилась, как он считал, критическая ситуация, Врангель написал: «Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину, и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду

слабыми... На всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления и теперь армии, катящейся назад, не за что уцепиться...»

Про Нестора Махно с его Революционно-повстанческой армией Украины, который вырвавшись из окружения генерала Якова Слащева под Уманью, принялся громить тылы Белой армии, Врангель писать не стал. Это была болезненная тема и для него. Он видел, что Махно зажат с двух сторон – Слащевым и Петлюрой, с которым у Батьки были «сильные разногласия» и посчитал, что помощи Слащеву не требуется, вернее, не сможет помочь и Май Маевскому и ему одновременно. Кроме того, барон не исключал возможности заключения «временного союза» и с Петлюрой, и Махно. Сам же критиковал генерала Краснова «за торговые сношения с немцами», но сейчас, когда фортуна отвернулась от белых, годится мир и с самим дьяволом. Однако до союза с «хохлами» дело не дошло.

Нестор Иванович сумел как-то договориться с Петлюрой. Получив от него не только свободу действий, но и винтовки, тачанки с пулеметами и пушки, внезапно обрушился на генерала Слащева. Разорвал его «клещи» и пошел гулять по Дикой Степи и Кубани, громя растянувшиеся в походе на Москву тылы белых. Кто нанес больший ущерб Добровольческой армии: красные в лице комфронта Егорова, в две армии которого вошли эстонские, латышские полки, «чер-

вонные казаки», китайские отряды, или «украинские бандиты», сказать было невозможно. И удар большевиков во фланг армии Май Маевского под Орлом, и махновщина, сыграли свою роковую роль.

Врангель взглянул на себя в зеркало, висевшее на стене штабного вагона, ухмыльнулся: он сам себе напомнил древнего летописца, сочиняющего духовную грамоту. Только в руках не гусиное перо, а английское. И френч на нем английский. Британский Верховный комиссариат, отказав в последний раз по каким-то причинам в танках и пулеметах, поставил огромное количество добротного обмундирования. Часть его хранилась на складах в Одессе. Красные, захватили склады и теперь тоже щеголяли в английских мундирах. Выдавая себя за деникинцев, они грабили села, убивали торговых и крестьян, добавляя «жуткой славы» Белой армии.

Но и без этого сами белогвардейцы оставляли о себе нелестные впечатления.

Врангель продолжил: «Штаб армии сложил с себя полномочия продовольственного обеспечения войск, приведя её к «самоснабжению». Война стала средством наживы. Каждая честь спешит захватить побольше. Армия превратилась в торгашей и спекулянтов. Все это дало большевистским агитаторам возможность продолжить в тылу армии их разрушительную работу. Население, ранее встречавшее нас с искренним восторгом, исстрадавшееся от большевиков, вновь

испытывает на себе ужасы грабежей насилия и произвола. И как следствие – развал фронта и восстания в тылу».

Войска, писал Врангель, отступают хаотично. Все вокзалы и составы забиты, в основном, спасающимися от большевиков семьями офицеров. Никаких мер к их эвакуации принято не было. И все они в буквальном смысле голодают и замерзают. Люди, вследствие непрерывных переходов и распутицы, переутомлены до крайности. Лошади изнурены совершенно, артиллерия и обозы сплошь и рядом бросаются. Боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

«Вот горькая правда. Армии как боевой силы нет».

Снова взглянув в зеркало, барон в первую секунду себя там не увидел. И меня тоже нет, вздохнул он. Никого нет. И не будет. Победу, порой, легко добыть, и так же легко потерять. Одной совести и честности для виктории мало. Нужно еще уметь смотреть вперед. Эх, Антон Иванович, святой человек. До сих пор верит, что можно всё исправить. А я не верю. Но не сдамся, продолжу борьбу, потому что я солдат. И буду до конца подчиняться Главнокомандующему, какие бы чувства к нему не испытывал.

Петр Николаевич вызвал своего ординарца Рябинина. Высокий, всегда подтянутый, белокурый капитан в возрасте Христа был родом, как и барон из Ковенской губернии. После соглашения большевиков с немцами, губерния стала территорией Литовской республики, что крайне возмущало обоих. Рябинина, тезку барона, привел к Врангелю на-

чальник штаба генерал Шатилов, когда Петр Николаевич получил новое назначение и решил поменять почти всё свое окружение, в том числе адъютантов и ординарцев. Прежний его посыльный был замечен в связях с «самостийниками» Кубанской Краевой рады, а потому барон решил с ним расстаться.

Казачьи «самостийники» губят белое дело, считал барон и всячески с ними боролся. Одного из тех, кто сеял смуту среди казачества, призывал к созданию отдельного государства «Великого казачьего воинства» приказал расстрелять. Чем они лучше хохлов, обезумевших на почве самостийности? Ничем, был уверен барон. Но время было упущено.

Врангель уже докладывал Деникину, что «продолжение борьбы возможно лишь опираясь на коренные русские силы». Бороться под знаменем Великая, Единая и Неделимая Россия казаки больше не будут. И единственное знамя, которое соберет их – борьба за права и вольности казачества. Эта борьба ограничится лишь очищением от врага казачьих земель».

Генерал Павел Николаевич Шатилов представил Петра Рябина как отважного офицера, вместе с ним участвовавшего в Манычской операции, когда многотысячной красной группировке был нанесен сокрушительный удар. Правда, Шатилов умолчал, что Рябинин вместе с ним был в карательном рейде против чеченцев, укрывавших красных в селе Гойты и не хотели их выдавать. Произошло сражение, в кото-

ром чеченцы победили. Павел Николаевич не любил об этом вспоминать, а Врангель ему об этой «неудаче» не напоминал.

Некоторое время Врангель сомневался, брать ли ему к себе в ординарцы Рябинина – одно дело боевой офицер, другое – штабной, вестовой, фактически человек «на побегушках». Но капитан быстро освоил свои новые обязанности, четко и быстро выполнял поручения командующего, а потому получил его расположение. Единственно, что не нравилось Врангелю, что ординарец постоянно курит. Без папиросы во рту его трудно было застать.

Вот и теперь он вошел в штабной вагон, обмахивая себя от табачного дыма.

– Генерал Шатилов у себя? – спросил барон ординарца, так же как и он, не спавшего всю ночь. Если начальник бодрствует, даже дремать нельзя, считал Рябинин.

Вопрос был скорее риторическим. Начальник штаба квартировал в соседнем вагоне. В гостинице, забитой беженцами, ранеными и больными тифом, поселиться было невозможно. К тому же постоянные разъезды вынуждали постоянно находиться в поезде.

– Так точно, ваше превосходительство! – ответил ординарец, одергивая английский френч, поправляя Георгиевскую ленту на нагрудном кармане. Он с ней никогда не расставался, считал, что она хранит его от пули.

– Будьте готовы, господин капитан, сим же утром, немедленно отвезти рапорт Главнокомандующему генералу Деникину

в Таганрог. И еще некоторым офицерам, коих я вам укажу.

- Слушаюсь, ваше превосходительство.
- Имейте в виду, рапорт очень личный и не должен попасть с чужие руки, тем паче к большевикам.
- Не беспокойтесь, Петр Николаевич, всё сделаю как надо.

Врангель привык, что ординарец иногда позволяет себе фамильярность, называть его лишь по имени отчеству. С другой стороны – скоро все мы, думал он, кто выживет, станем цивильными и пора уже привыкать обходиться без «военных церемоний».

Когда Рябинин ушел, барон продолжил писать рапорт. Он, конечно, уведомил Главнокомандующего, что лично наладил снабжение Добровольческой армии, начал создавать узлы сопротивления, провел мобилизацию в удерживаемых селах и станицах. В то же время, подчеркнул, что меры эти уже запоздалые.

Затем по пунктам обозначил свои предложения: в первую очередь необходимо выбрать основное направление, где сосредоточить «главную массу сил». Эвакуировать учреждения из Ростова и Таганрога, часть из них расформировать, а «бездельников погнать на фронт». Обеспечить безопасность семьям офицеров, вывезти их в безопасное место. Принять жесткие меры для борьбы с произволом, грабежами и пьянством, разлагающими армию. Отдать под суд, невзирая на чины и боевые заслуги тех, кто этому подвержен. Наладить, наконец, работу контрразведки и уголовного розыс-

ка, объединить их в пределах армии в руках главнокомандования. И, конечно, подчинить командованию армии всех без исключения начальников железных дорог, чтобы не было замедления в транспортировке войск, снаряжения, продовольствия.

Снова вызвал Рябина. Попросил крепкого чаю. Не удивился, что индийский колониальный напиток уже был ординарцем заварен и даже приготовлены бутерброды с пресным кавказским сыром. Обычно по утрам барон старался ничего не есть, «чтобы быть налегке», но теперь съел все бутерброды, запил двумя стаканами крепкого ароматного чая. Чем закончить рапорт? Решил идти до конца.

«Если предложенные мною мероприятия не будут признаны необходимыми полностью и безотлагательно, то учитывая грозное положение на фронте, я не считаю возможным нести на себе ответственность командования Добровольческой армией».

Фактически это был ультиматум. Так рапорт расценил начальник Штаба генерал-лейтенант Шатилов, который тоже не спал в эту ночь и явился к командующему сразу же, как тот его позвал через адъютанта майора Краснова.

Прочитав послание, Павел Николаевич покачал головой: – Не видать нам, Петр Николаевич, счастливой старости. В лучшем случае, мы закончим свои дни на галерах. Но скорее всего, нас расстреляют или большевики, или лично Главнокомандующий Деникин.

Он поставил свою подпись под рапортом.

Врангель на грустную шутку никак не отреагировал. Помял подбородок, о чем-то задумавшись.

– Пожалуй, это будет с моей стороны слабостью, если сей рапорт привезет Деникину мой ординарец. Нет, я сам, лично, глядя в глаза Главнокомандующему должен его ему вручить. А вот копии... Копии пусть Рябин отвезет помощникам Деникина генералам Романовскому и Лукомскому, чтобы они тоже воздействовали на Главнокомандующего. Но так, чтобы Антон Иванович об этом не узнал.

– Узнает, – ответил Шатилов. – И скажет, что Врангель сделал это с целью дискредитации его политики и стратегии.

– Решено, Павел Николаевич, – сказал, как отрезал Врангель. – Прикажете сделать копии и отправляйте в Таганрог Рябинина.

Аэроплан «Лебедь XII», захваченный недавно у большевиков, стоял на ровной поляне, готовый к взлету. На его хвосте и фюзеляже по-прежнему красовались красные звезды. Летчик, с подходящей для авиатора фамилией Коршунов, сидел в передней кабине, ожидая пассажира. Солдаты, которые по команде должны были запустить винт «летающего жука», ходили вокруг биплана, проверяли на прочность его крылья. Коршунов их отгонял, не стесняясь в выражениях. Ранее он служил в 5 авиаотряде комкора Бориса Думенко, его взяли вместе с аэропланом под Ростовом, когда чинил в ангаре французский двигатель «Сальмсон» на первом русском боевом разведчике-штурмовике. Вошедшие в большой сарай добровольцы вскинули на него винтовки, а он только отмахнулся: «Помогите лучше, винт на 12 часов поставьте».

Давид Коршунов был фанатиком аэропланов, работал вместе с конструктором Лебедевым, создавшим этого «Лебедя» по образцу немецкого биплана, но привнеся в него немало своих «доумок», как он говорил. Ему было без разницы с кем и у кого воевать, лишь бы летать. Но на допросе в белой контрразведке сказал: «Мне надоело находиться в рядах красных проходимцев, грызущих друг друга как тараканы в банке». По его словам, комкор Борис Думенко арестован вместе со своим штабом якобы за убийство комисса-

ра корпуса Микеладзе и за подготовку антибольшевистского мятежа. «То, что Думенко критиковал Троцкого за насаждение в Красной армии жесткого контроля комиссаров над командирами, это правда, – сказал Коршунов. – Сам слышал. Говорил, что они только сидят в штабе и пишут приказы. Толку от них, как от попов на сенокосе. Только болтать. Ходят слухи, донос написал на него некто Буденный, за то что Думенко его высек за изнасилование какой-то гражданки подчиненным ему солдатом».

Пассажиром был ординарец Петр Рябинин. Начальник штаба Шатилов посчитал, что только аэропланом можно быстро доставить в Таганрог копии рапорта командующего, тем более что море штормило. По прибытии в город он должен был не «лезть напролом» к Романовскому или Лукомскому, а действовать через их адъютантов, хорошо знакомых Рябинину. Ему даже выделили немалую сумму, чтобы «подмаслить» адъютантов, дабы они, минуя своих начальников, не донесли Деникину о копиях рапорта. Хотя это и было исключено, ведь субординацию штабные офицеры соблюдали как божью заповедь, но чем черт не шутит.

К аэроплану Рябинина, одетого в танкистскую кожанку, которую как форму одежды присвоили себе комиссары, сопровождал адъютант Шатилова подполковник Николай Краснов. У него была, по мнению Петра, нехорошая привычка: брать собеседника под руку и шептать ему что-то прямо в ухо. Вот и теперь подполковник попытался это сделать,

но Рябинин высвободился. Понял, что у адъютанта есть, что ему сказать. Остановились в двадцати саженьях от биплана, у высокого клена, окутанного декабрьским туманом.

– Вот какое дело, капитан, – начал подполковник, но Рябинин его прервал:

– Биплан ждет, туман сгущается, говори, Коля, прямо что нужно.

– Ты ведь знаешь о чем речь в рапорте?

У барона Врангеля была привычка громко диктовать себе то, что он пишет. Находившийся в купе рядом со штабом ординарец не мог не слышать командующего, и Краснов это понимал. Подполковник же снимал копии с рапорта и тоже был в курсе всего.

– Какая тебе разница?

– Если Главнокомандующий узнает, что копии попали к его помощникам, прежде, чем рапорт вручит ему сам Врангель, он расценит это как провокацию против него, как заговор, как мятеж. Понимаешь?

– Предположим.

– Антон Иванович не простит этого Петру Николаевичу, снимет его с командования Добровольческой армией, отправит в отставку, в лучшем случае сошлет на английский транспорт в Константинополь. А вместе с ним начальника Штаба генерала Шатилова. И я, и ты останемся не у дел. Тогда уже нечего будет «предполагать». Красные давят со всех сторон, Донская, Кубанская, Терская армии

в полном раздразе и не могут оказывать должного сопротивления. Да и не хотят. У них одна мечта – самостоятельность, сохранить свои независимые от командования и России республики. На одну лишь Добровольческую армию надежда слабая, это, кстати, сказано в рапорте. Останется одно – и нам бежать в Константинополь. А там что? Пустота, забвение, без денег и всякой надежды.

– Не верю, Коля, что ты не сколотил себе кубышку на черный день. Когда донцы уходили из Ильинского, был взорван Торговый банк. Там многие славно поживились. И белые, и красные не стреляли друг в друга, набивали карманы. Ты же ведь тогда, помнится, командовал отрядом снабжения Донской армии и задержался в Ильинском.

– А ты с марковцами прикрывал отход донцов и тоже был недалеко от банка.

Да, тогда удалось захватить часть средств «ростовщиков», не пожелавших помогать ни белым, ни красным. Но все они пошли на нужды армии, Рябинин не взял себе ни копейки. Он гордился своей честностью. Возможно, зная его не только боевые, но и человеческие качества, Шатилов и рекомендовал Петра генералу Врангелю в ординарцы. Именно в те дни, командуя еще Кавказской армией, барон объявил беспощадную войну «мародерам грабителям, невзирая на заслуги». По его приказу были казнены несколько десятков мародеров, в том числе офицеров. Уже тогда Врангеля первыми прозвали «черным бароном» сами добровольцы и казаки, а не боль-

шевики.

Рябинин не стал развивать тему разграбленного банка.

— Ладно, что ты конкретно хочешь?

— Копии рапорта не должны попасть в руки помощникам Деникина, прежде чем сам рапорт Врангель не вручит Главнокомандующему.

— Ты с ума сошел, Коля? На что меня подбиваешь, на измену?

— Я не хочу, чтобы из-за конфликта двух генералов окончательно развалилось наше Белое дело.

— Оно уже почти развалилось, красные идут лавиной. Только Петр Николаевич может остановить разброд среди казачьих формирований, собрать их все в один кулак под знаменем Добровольческой армии. Еще есть шанс, а ты...

И вдруг сам схватил Краснова за воротник английского френча с черными, с белой окантовкой корниловскими погонами. К нагрудному карману подполковника была приколота Георгиевская лента, она отлетела. Приблизил к себе:

— Что ты, Коля, хочешь, чтобы я съел два пакета, адресованные Романовскому и Лукомскому, а сам застрелился?

— Да отпусти же, солдаты смотрят. Приземлишься в Покровском, это в 20 верстах от Таганрога. Отсидишься у купца Яниса Калныныша, его дом самый большой в поселке, найдешь. Он хоть и латыш, но свой, еще не сбежал. Большая редкость, чухонцы теперь все за большевиков. Так они, видите ли, за свою свободу воюют, которую им немецкий шпи-

он Ленин дал. Упертые пленные большевики твердят, что их вождь не шпион и денег от кайзера за переезд из Швейцарии в Россию через Германию не брал. Может, и не брал, только услуга – те же деньги. Революционные матросы, радостно встречавшие Ленина на Финляндском вокзале, узнав, что он приехал «делать пролетарскую революцию» с помощью германцев, его чуть не повесили, там же на вокзале. Вовремя дружки – социалисты и эсеры его увезли, на броневике.

– Ты мне собираешься и дальше про Ленина рассказывать?

И все же капитан внутренне согласился с Красновым, сейчас не время вбивать окончательный клин между Врангелем и Деникиным. Но он же не может не выполнить приказа!

– Приказ ты исполнишь, – словно уловив его мысли, сказал Краснов, – но опоздаешь с его выполнением всего на день. Ровно столько тебе понадобится, чтобы на своих двоих добраться до Таганрога. Не понял?

– Нет, – честно признался Рябинин.

– Вот ведь, право, какой у тебя неорганизованный ум.

– Выбирай выражения. Мы с тобой в одном училище строем ходили, и я не посмотрю что ты...

– Самолет сломается и вы сядите в Покровском, – перебил Краснов. – Латыш предупрежден.

И предвидя очередной вопрос, добавил:

– Авиатор Коршунов тоже. Будет артачиться, не церемонься с ним.

– Пристрелить, что ли прямо в воздухе? Я, вообще-то, господин подполковник, управлять аэропланом не умею.

– Всему рано или поздно надо учиться, ха-ха. Шучу. Коршунов артачиться не станет, за копейку змею оближет, он уже получил энную сумму.

– А ты не боишься, что Коршунов?...

– Боюсь, Петенька, конечно боюсь. Как только сядите в Покровском, ликвидируешь его.

Ответить Рябинин не успел, авиатор так громко закричал им, что еще немного и мотор, который грели всю ночь, не заведется, что солдаты без его команды крутанули винт биплана. «Лебедь» взревел сразу, словно не милая птичка, а разъяренный хищник.

Ординарец бросился к аэроплану, влез в кабину, в которой уже приходилось бывать во время нескольких аэроразведок. Биплан, поднимая пыль, побежал по выровненной солдатами дорожке, резко взмыл в молочное небо.

Подполковник Краснов помахал рукой: «Счастливого полета, Петенька, жаль, что и ты окажешься лишним в этой битве титанов».

Туман оказался низким, облака неплотными. Сквозь них пробивалось солнце. Каждый раз, когда вылетали на разведку в такую погоду, Петр удивлялся и восхищался чудесному преобразованию: внизу все тускло, безвыходно, беспросветно, а потом раз и мир становился ярким, большим, радостным. Ни о чем плохом и думать не хотелось. На душе светло и легко. Недаром, этот странный тип Коршунов, так любит свой аэроплан. Он как греческий бог Харон перевозит души из одного мира в другой.

От мысленного упоминания Харона, Рябинин поежился: неудачное сравнение, в загробный мир ему еще рано. Вот только генералы расстраивают. Белое дело висит на волоске, а они грызутся между собой. Прав Краснов, нельзя сейчас их еще раз сталкивать лбами. Хоть как-то нужно повлиять на «битву «титанов», как выразился подполковник. Видимо, не сам он додумался, куда ему. Наверняка начальник Штаба Шатилов, друг и помощник барона так решил. Другу можно всё. Почти всё.

Капитан нащупал под плотной кожанкой и свитером два пакета для помощников Деникина. В кармане находилась записка от Шатилова Главнокомандующему: барон Врангель просит принять его в таганрогской Ставке для важного доклада. Записка была как бы оправданием срочного вылета

ординарца в Таганрог. Мол, по телеграфу передать сие сообщение нельзя, могут перехватить красные и, зная маршрут барона, устроят против него теракт. Кругом полно агентов большевиков, которые за мешок муки сатане душу продадут. А красные и есть черти, только рядятся в одежды херувимов. И серая масса идет за ними. В белых она видит свое несчастное прошлое и думает, что красные принесут им счастье. Навивные люди. Начавший с крови, на крови не остановится.

Эта записка была «пустышкой», видимо написанной Шатиловым в присутствии Врангеля. Интриги не только между Деникиным и Врангелем, но и в окружении самого барона. И он, капитан Рябинин, преданный генералу ординарец, боевой офицер, ни разу не изменивший присяге, в этом участвует.

Летели вдоль Курско – Харьковско – Азовской железной дороги. Над Иловайском начался сильный ветер. Заштопанные во многих местах крылья биплана тряслись так, что казалось, они отвалятся. Петр мысленно крестился, хотя набожным никогда не был. И вообще, с религией у него были странные отношения: в церкви, если все же иногда заходил, свечи его часто гасли, листок с молитвой «Отче наш...», который дала ему мать перед уходом на войну, в первом же бою срезало осколком вместе с карманом, где молитва хранилась. Кроме того, Рябинин не верил в «богоизбранность русского народа», мол, муки даны ему для испытаний и укрепления духа. Если так, то это не испытание, а форменное издева-

тельство над русскими людьми на протяжении веков. Нашествие монголов, опричнина, самодурство царей, крепостное рабство.... А сейчас что творится? Брат на брата, сын на отца, дочь на мать, богоизбранный русский на богоизбранного русского.... Это что же за бог такой, если ему нравятся такие «испытания»? Скажи мне кто твой бог, и я скажу кто ты. Правильно писал Грибоедов: горе от ума и нечего пенять на небеса, оправдывая свои глупости. Рябинин верил в провидение, хотя и не понимал что оно такое. Где-то оно там, среди звезд – не мешает, но иногда подсказывает, помогает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.